
А. П. НАЗАРЕТЯН

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ЗНАМЕНИЕ ЭПОХИ?

(Развернутый комментарий к статье А. М. Буровского)*

Рост насилия в современном мире представляет собой иллюзию, обусловленную закономерностями восприятия и памяти. В действительности социальное насилие принимает сравнительно более опосредованные символические формы. Его дальнейшее вытеснение в сферу виртуальной реальности, возможно, составляет один из перспективных векторов в развитии цивилизации.

...Но как ее он полубил на сто
восьмой странице!..

Тимур Шаов. Любовное чтиво

Критически настроенный читатель мог бы упрекнуть автора статьи «Молодежь и “культ насилия”» в эмоциональности и импульсивности, в недостаточной системности аргументов, в малочисленности и нерепрезентативности выборок и в неотработанности методик. Я как редактор готов согласиться с такими упреками: исследование еще предстоит поставить на систематическую основу.

Тем не менее мы решили опубликовать статью именно из-за ее провокационного характера (каковой вообще характерен для текстов этого многогранного ученого и публициста). Она хорошо вписывается в дискуссию, проходящую на страницах *ИПСИ* с самого первого номера, и по-своему способствует развенчанию двух расхожих мифов, чрезвычайно затрудняющих конструктивное обсуждение проблемы социального насилия, актуальность которой как для России, так и для всего мира трудно переоценить. *Первый миф: насилие в современном обществе возросло и продолжает расти. Второй: растущее (якобы) насилие подстегивается обилием жестокости в СМИ.*

В поддержку выводов А. М. Буровского изложу результаты многолетнего исследования антропогенных кризисов и катастроф,

---

* Исследование проводится по гранту РФФИ.

проведенного на стыке культурной антропологии, исторической психологии, социологии и экологии (Назаретян 2004; 2008а; 2008б; Nazaretyan 2003; 2005). Чтобы перейти к наблюдениям, касающимся роли СМИ, необходимо тезисно воспроизвести положения, уже обсуждавшиеся в нашем журнале.

Об исторической динамике насилия и ненасилия

Исследование выявило системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества, а именно: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы для того, чтобы общество не разрушило себя и среду своего существования.

Эта зависимость – *закон техно-гуманитарного баланса* – помогает причинно объяснить как факты неожиданного надлома процветавших государств и цивилизаций, так и факты революционных переломов мировой истории, остававшихся до сих пор еще более загадочными. Обобщенная модель демонстрирует, как появление новых технологий оборачивалось превосходством инструментального интеллекта (способности управлять энергетическими потоками) над интеллектом гуманитарным – способностью прогнозировать отсроченные последствия и контролировать агрессивные импульсы, воплощенной в содержании культурных ценностей и норм.

Образовавшийся дисбаланс провоцировал всплески экологической и/или геополитической агрессии, которые сопровождались комплексной симптоматикой общественных настроений, самовоспроизводящейся в различных эпохах и культурах: эйфория, ощущение вседозволенности и безнаказанности, иррациональная жажда «маленьких победоносных войн» и т. д. Декомпенсированная агрессия общества подрывала природные или организационные основы его жизнедеятельности – и с накоплением разрушительных эффектов наступала фаза катастроф.

В таких драматических фазах интенсифицировался отбор социальных систем, культурных ценностей, норм и типов мышления, совместимых с возросшим технологическим могуществом. Гуманитарный интеллект приходил в соответствие с инструментальным, люди научались управлять все более мощными орудиями, избегая катастрофических последствий. В результате культурно-психологической *притирки (fitting)* общество «укрощало» новые инструменты разрушения, и те становились относительно безопасными.

После того, как притирка состоялась (но только после этого!), даже самое разрушительное оружие превращалось в жизнеспасающий фактор; как показывают расчеты, чем потенциально более грозно оружие, тем менее кровопролитным оно становилось в действительности.

То же и в современном обществе. От межконтинентальных баллистических ракет, совсем недавно угрожавших самому существованию человечества, не погиб никто (и, вероятно, уже не погибнет благодаря состоявшейся психологической притирке). От атомных бомб – самых первых и еще сравнительно маломощных – погибли (включая отсроченные жертвы) до 300 тыс. человек. Танки, артиллерийские системы и бомбардировочная авиация унесли миллионы человеческих жизней. Жертвами легкого стрелкового оружия пали десятки миллионов. А кухонные ножи и прочая домашняя утварь, используемая при бытовых конфликтах, уносят больше жизней, чем все виды профессионального оружия, вместе взятые.

Для проверки одного из нетривиальных следствий, вытекающих из модели техно-гуманитарного баланса, введен кросс-культурный показатель: *коэффициент кровопролитности* – отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения. Ориентировочные расчеты (проведенные совместно с военным историком В. А. Литвиненко и психологом-клиницистом С. Н. Ениколоповым) показывают, что по мере исторического развития, несмотря на последовательно возрастающую убойную мощь оружия и растущую демографическую плотность, этот коэффициент не только не возрастал, но заметно снижался. Тенденция носила нелинейный («пилообразный») характер, всплески кровопролития соответствуют фазам обострения антропогенных кризисов, но на длительных временных отрезках она проявляется достаточно четко.

Мы объясняем обнаруженный парадокс не тем, что люди становились со временем «менее агрессивными», скорее напротив: с концентрацией населения уровень агрессивности возрастал, равно как возрастала и возможность взаимных убийств. Но культура, проходя через горнило катастрофических обострений, умножала и совершенствовала механизмы сублимации агрессии. Без этого ни рост и уплотнение населения, ни последовательное увеличение технологического могущества не были бы возможны. Более того, если бы люди не осваивали все более надежные механизмы самоконтроля,

соразмерные увеличивающимся возможностям разрушения, то трудно понять, как человечество могло бы дожить до наших дней.

Таким образом, эволюция регуляторов поведения происходила не по человеческому произволу и не по велению свыше, а следовала логике и прагматике сохранения. Совершенствование моральных и прочих ценностно-нормативных комплексов становилось косвенной, опосредованной и чаще всего запаздывающей реакцией культуры на опасное для социума наращивание инструментов насилия.

Например, показано, что XX век с мировыми и гражданскими войнами, ужасами геноцидов и Хиросимой уступает по коэффициенту кровопролитности предыдущим столетиям, а по всем прочим показателям качества человеческих отношений далеко превосходит их. Оценка же его как необыкновенно жестокого основана на антропологически и социологически некорректных посылах. Во-первых, к XX веку примеряются гораздо более высокие гуманистические стандарты, чем к прежним эпохам (виной тому оптимистические ожидания, особенно характерные для европейцев в начале столетия). Во-вторых, относительные критерии подменяются абсолютными, причем выпячиваются жертвы военного и политического насилия и игнорируется динамика бытовых жертв. В-третьих, сохраняется инерция евроцентрического мышления: в XX веке европейские военные потери составили до 65 % соответствующих потерь всего мира, тогда как в XIX веке – не более 15 %.

Что касается положения дел в современном мире, сошлюсь здесь только на один документ. По данным ВОЗ, в 2000 году в вооруженных конфликтах, политических репрессиях и бытовых разборках погибли около полумиллиона жителей Земли (Насилие... 2002). Само по себе чудовищное число, оно по тем же данным уступает числу самоубийств за тот же год. По отношению же к более чем шестимиллиардному населению планеты оно составляет 0,008 %. Для сравнения: по нашим расчетам, среднегодовой процент жертв насилия в XX веке составил 0,15 %; в первобытных племенах – около 5 %.

В свете многочисленных фактов такого рода вывод Буровского о том, что сегодняшние юноши и девушки значительно реже подвергались телесным наказаниям в семье и сами реже участвовали в драках, чем их родители, правдоподобен, хотя и заслуживает более тщательной проверки...

Настоящая проблема не в том, что насилие в современном мире растет, а в том, что оно *недостаточно быстро сокращается*. Далее я покажу, что данная проблема является действительно животрепещущей и глобальной. Но прежде разберемся, чем же обусловлена иллюзия растущего вокруг насилия.

Ретроспективная аберрация

Политическим психологам хорошо знаком эффект, описанный, в частности, графиком Дж. Девиса (Davis 1969). Когда положение в той или иной значимой сфере улучшается (это могут быть экономическое состояние, политические свободы, вертикальная мобильность и т. д.), происходит опережающий рост ожиданий, через призму которых динамика событий воспринимается массовым сознанием с точностью до наоборот. Усиливается неудовлетворенность, крепнет убеждение, будто жить становится хуже. Анализ исторических эпизодов, связанных с социальными взрывами, бунтами и революционными ситуациями, показал, что им всегда предшествовала фаза роста объективных показателей и соответственно ожиданий. Затем на фоне продолжающих расти ожиданий происходило относительное (по сравнению с высшей точкой) объективное ухудшение, и усилившаяся фрустрация завершалась массовыми беспорядками.

Ретроспективная аберрация – один из механизмов, обусловивших иллюзорную оценку социальной динамики. Очень многое из того, что люди современного западного общества воспринимают как грубейшие акты насилия, вовсе не квалифицировалось как таковое людьми традиционной (тем более – архаической) культуры.

Представим себе жизнь наших не очень далеких предков (отвлекаясь от советского периода, чтобы оставаться в рамках темы). Войны повторялись с удручающей регулярностью: например, за 300 лет правления династии Романовых Россия воевала в общей сложности 346 лет, иногда одновременно велись две-три войны (Буровский 2003), а за полуторатысячелетнюю историю от Киевской Руси страна жила мирно менее 150 лет¹. К этому добавлялись жестокие сословные, конфессиональные распри, полицейские репрессии и банальный криминал. Но все эти бедствия перекрывались насилием обыденным и повседневным. Регулярное избивание жен мужьями и детей родителями, публичные казни и порки на

---

¹ Расчет В. А. Литвиненко по хронологии, приведенной в книге: Справочник... 2008.

улицах, будничные конфликты, массовые драки по праздникам (которые, хотя и следовали определенным правилам, оставляли после себя убитых и искалеченных) – все это составляло бытовой фон жизни (Демоз 2000; Буровский 2008; Флиер 2008; Назаретян 2008а).

В этом легко убедиться, не только изучая исторические и этнографические источники, но и внимательно читая классическую художественную литературу, в том числе и русскую. «Вчерашний день, часу в шестом, / Зашел я на Сенную; / Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую. / Ни звука из ее груди, / Лишь бич свистал, играя...» (Некрасов 1953: 13). Вдумаемся: в центре столицы среди бела дня секут женщину. Прохожие (в их числе и знаменитый поэт) не возражают, да и сама она даже не кричит от боли – настолько все обыденно и привычно.

Бытовые зарисовки такого рода изобилуют в произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, М. Горького и других писателей, раскрывая часто, как бы между делом, ужасающую картину повседневного насилия в семье, на улице, в учебных заведениях...

До XX века в мире не существовало практических систем воспитания детей без телесных наказаний. «Сбережешь розги – испортишь ребенка», – учили английские педагоги. Секли не только малолетних простолоудинов, но и княжеских и подчас даже царских отпрысков. «Домострой» регламентировал приемы «воспитания» жен в боярских семьях: негоже бить (боярыню!) посохом, кулаком и при слугах – бить полагалось наедине и плетью; с женщинами попроще так не церемонились. В Западной Европе в это время действовал еще более страшный документ – «Молот ведьм», по которому привередливых жен, а то и просто красивых женщин (отвлекающих мужской пол от мыслей о Боге) жгли на кострах. А в Лондоне до сих пор не упразднен закон, запрещающий бить жену после 21.00 часов, чтобы ее вопли не мешали отдыхать соседям.

При отсутствии надежных противозачаточных средств и медицинских внутриутробных абортотворцев во всех культурах процветали бесчисленные практики постнатальных абортов – умерщвления родителями «лишних» или недостаточно здоровых детей. Для этого использовали голод, отравление, переохладение или просто удушение (а первобытные племена поступают совсем без затей: одни приносят младенцев, особенно женского пола, в жертву, другие

оставляют их на покинутых стоянках на съедение хищникам и стервятникам). Такие действия носили, а кое-где и продолжают носить нормативный характер, не вызывая протеста.

Об этом нам известно опять-таки не только из специальной литературы (см., например: Clastres 1967; Демоз 2000; Каневский 1998 и др.), но и из художественной классики.

Говоря о России, вспомним, например, «Воскресение», где рассказано, «как это обыкновенно делается по деревням»: мать крестила младенца, а затем переставала кормить, и тот быстро умирал от голода (Толстой 1993: 7). В биографии А. В. Суворова рассказано, как великий полководец, высланный Павлом I в родное имение, заботился о благополучии крестьян и их детей – будущих «царских солдат». При этом он по армейской привычке издавал письменные приказы. В одном из них говорится: «Известно стало, что иные родители ребят своих в оспе от простуды не укрывали и не надлежащим питали. Небрежных отцов должно сечь нещадно в мирском кругу, а мужья – те с их женами управятся сами» (Осипов-Куперман 1961: 68).

А уже в начале XX века В. В. Вересаев (1988: 274), рассказывая о том, как крестьяне протестуют против стремления медиков лечить больных деревенских детей, записал поразительную народную присказку: «Дай, Господи, скотину с приплодом, а деток с приморцем».

Между прочим, насколько известно, священнослужители – христианские, мусульманские и прочие, – которые теперь наперегонки «пиарят» себя громкими филиппиками по поводу искусственного прерывания беременности, в прошлом против постнатальных абортос никогда не возражали. Равно как не возражали против публичных казней, которые еще в первой половине XIX века оставались любимым развлечением черни. Или против войны как таковой (Корнев 1987; Контамин 2001): христианство, как и прочие религии, ведало единственный миротворческий прием – примирение противников переориентацией агрессии на общего врага; пацифистов же церковь начиная с V века репрессировала как опасных еретиков. Войны регулярно объявлялись «священными», геноцид в отношении неверных считался святым долгом доброго христианина (мусульманина). Клерикалы и подручные палачи изошрялись в ужесточении пыток и казней, объясняя садизм заботой о грешной душе, – мол, чем сильнее она измучается на земле, тем больше шансов на Господне прощение. Семейное же насилие поощрялось офи-

циальными документами или прямой ссылкой на священные тексты. И не случайно социологи фиксируют *положительную* корреляцию между религиозностью населения и насильственной преступностью (Ганнушкин 1964; Докинз 2008).

Кроме физического насилия, о котором мы здесь преимущественно говорим, человек в традиционных культурах подвергался самым грубым формам насилия морально-психологического. Регулярное запугивание социальными и небесными карами – предмет самостоятельного обсуждения (см., например: Докинз 2008). Здесь же приведу пример неожиданный и почти забавный.

В городе Алкалá, под Мадридом, в одном из старейших испанских университетов (основан в 1499 году), коллеги рассказали мне, как в XVI веке наказывались нерадивые студенты. Юноша, заваливший экзамен, покидал аудиторию через особую дверь с надписью: «Выход для ослов». На него надевали шапку с ослиными ушами, без которой он не имел права выходить из дома, пока не исправит оценку, причем иногда такой возможности приходилось ждать целый год. Встречая на улице парня с ослиными ушами, прохожие в него плевали. С присущим испанскому языку изяществом эти плевки назывались «алкалинскими снежинками»...

Типичное проявление ретроспективной аберрации состоит в том, что люди современной западной культуры по сравнению со своими недалекими предками сделались необычайно *чувствительными* к насилию и нетерпимыми к нему, равно как к боли, смерти, грязи и дурным запахам. Кое-кто уже объявляет «убийствами» аборт по медицинским показаниям, а само понятие *насилия* возводится к немыслимым ранее сферам человеческих отношений.

Во многих странах мать, отшлепавшая расшалившегося мальчишку, рискует попасть за это под суд, и соседи с готовностью выступают свидетелями обвинения. В 2006 году кандидат в президенты Чили от Гуманистической партии гневно клеймил на митинге рост политического насилия и в качестве примера под одобрительные аплодисменты указал на открытие в Сантьяго элитного университета, «куда принимают не всех желающих». Впрочем, и бездействие не гарантирует от аналогичных упреков. Американский психолог Р. Мэй (2001) утверждал, что его соотечественник, возражающий против войны во Вьетнаме, но продолжающий исправно платить налоги, участвует в «рассеянном насилии». Философы-постмодернисты уже склонны объявить насилием

чуть не всякий художественный текст (см. об этом: Флиер 2006).

Наверное, прадеды усомнились бы в понимании родного языка, узнай они, что словом «насилие» можно назвать воспитание детей, убеждение и внушение, распространение идей, создание университета и даже непротивление злу.

Кроме беспрецедентной чувствительности (ретроспективная абберрация), имеются и другие факторы, искажающие оценку исторической динамики, о которых будет сказано далее. Но есть и безусловно объективное основание для тревоги: с развитием технологий необычайно повысилась *социальная цена* насилия.

«Знания массового поражения»

Полвека тому назад многие европейцы и американцы не верили в благополучное завершение XX века, и сомнения были небесспорными. Тотальная ядерная война грозила самоистреблением планетарной цивилизации, и то, что политические обострения 1960-х годов (Берлинский, Карибский, Ближневосточный кризисы) не завершились ее крахом, следует считать великим достижением человечества.

Впрочем, смертельную угрозу представляла не только ядерная война. По расчетам экологов, если бы деятельность человечества оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-е годы, то к 1990-м жизнь на Земле стала бы невыносимой (Ефремов 2004). Огромное историческое значение имел Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах – на суше, в атмосфере и в океане. Даже страны, не подписавшие его (Франция, Китай) вынуждены были постепенно под давлением общественности ограничиться подземными взрывами, и страны, обретшие ядерное оружие позднее, следуют общемировым требованиям.

Вообще, вторая половина XX века ознаменовалась образованием беспрецедентных в политической истории неконфронтационных коалиций – эффективных межгосударственных соглашений, не направленных против третьих сил. Тем не менее избежать тотального столкновения удалось за счет канализации противоречий в русло локальных войн: жить совсем без войн человечество пока не научилось. Правда, одиозное слово «война» было табуировано: после 1945 года имело место единственное официальное объявление войны – «футбольная война» между Сальвадором и Гондурасом, длившаяся сутки. Но неистощимая изобретательность идеологов

утешала мир все новыми эвфемизмами. В многочисленных актах «сдерживания», «умиротворения», «оказания братской интернациональной помощи» с 1945 по 1991 годы погибли десятки миллионов человек. И все же за этим периодом закрепились лукавая журналистская метафора – «холодная война», поскольку жертвы были рассредоточены в пространстве и во времени, а главное – на фоне ожидавшихся (при худшем сценарии) миллиардов они выглядели как своего рода «откуп малой кровью».

Но с дальнейшим развитием технологий и методов террора и этот апробированный механизм – предотвращение большой войны ценой «сброса пара» в далеких закоулках – сделался контрпродуктивным. На стыке столетий известный ученый и программист Б. Джой остроумно заметил, что век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения* (Joy 2000). Новейшее оружие становится все более дешевым и доступным, а знания и умения легко пронизывают границы стран, сословий, конфессиональных культур и даже образовательных уровней. Совершенствующиеся технологии выскальзывают из-под контроля государств и вменяемых правительств, роль которых в управлении политическими процессами уменьшается. Соответственно усилиями неформальных группировок конфликты делокализуются, и каждый становится во все большей мере чреват глобальными последствиями.

То, что с развитием технологии усиливается роль индивидуальных решений и поступков, – прямой вывод из модели техногуманитарного баланса. На обозримое будущее прогнозируется такое совершенствование миниатюрных ядерных устройств, хакерских приемов, нанотехнологий, генной инженерии и робототехники, что овладение их деструктивными возможностями станет под силу агрессивным группировкам компьютерных «гениев», не отягощенных бременем политической ответственности и соразмерной способностью системно отслеживать последствия своих действий. И большой вопрос, успеет ли культура своевременно совершенствовать механизмы внешнего и внутреннего контроля, чтобы предотвращать опасные дисбалансы.

Новые угрозы обусловили историческую смену задач. На протяжении всей предыдущей истории стержневая задача культуры состояла в том, чтобы организовывать и *упорядочивать* насилие, по возможности предотвращая его хаотические формы; жизненная же задача *устранить* физическое насилие из жизни встала перед мировым сообществом впервые. И многие из прежних механизмов

культурной регуляции (религия, идеология) оборачиваются в этих условиях эффектом бумеранга (Назаретян 2009).

Возрастающая цена социального насилия побуждает повторить стержневую мысль: настоящая проблема современного мира в том, что насилие недостаточно быстро сокращается. Здесь, однако, пришло время обратить внимание на позитивные последствия иллюзии растущего насилия в мире и вокруг нас и на ту роль, которую играют в создании этой иллюзии средства массовой информации.

«Информационный закон Грешема»

Кроме ретроспективной аберрации, по меньшей мере еще один существенный фактор обеспечивает широчайшее распространение указанной иллюзии. Он также связан со свойствами внимания, восприятия и памяти.

В начале 60-х годов прошлого века, когда телевидение достигло максимального влияния на массовое сознание, культуролог Д. Бурстин обнаружил тонкую аналогию между финансовым законом Грешема и информационными процессами (Boorstin 1961). Закон Грешема гласит, что дорогие деньги вытесняются из обращения деньгами дешевыми. Если, скажем, одновременно выбросить на рынок золотые и бумажные рубли одинакового номинала, то монеты уступят место ассигнациям.

Бурстин уподобил «псевдособытия» телеэкрана бумажным купюрам, поскольку они сравнительно легко фабрикуются. Будучи более динамичными и насыщенными, псевдособытия вытесняют из сферы внимания и запоминания события реальной жизни. Люди перестают отчетливо различать виденное невооруженным глазом и образы, сконструированные при помощи сценария, ракурса, актерской игры и монтажа.

Эффект присутствия и примат зрения (видел собственными глазами!) сделали телевидение необычайно продуктивным инструментом организации перцептивного поля, а соответственно манипулирования общественными представлениями, настроениями и установками. Патопсихолог мог бы назвать это управляемой массовой конфабуляцией. Но с одним уточнением: процесс имеет отношение к клинике не больше, чем вся духовная жизнь. По сути, мы наблюдаем ускорение тенденции, обозначившейся с появлением самых первых искусственных знаковых систем и далее неуклонно углублявшейся. Сегодня легко заметить, как даже взрослые путают непосредственные впечатления с экранными симулякрами,

а у «компьютеризованной» молодежи сбой действительно подчас принимает патологическую форму.

Но то, чему отдают предпочтение СМИ, также в значительной мере задано свойствами психики, причем свойствами фундаментальными, слабо зависящими от культурно-исторических изменений. При всем многообразии индивидуальных вкусов и предпочтений информационные каналы, работающие в контексте демократических («рыночных») отношений, уделяют приоритетное внимание эмоционально негативным сообщениям. Такие сообщения в большей степени отвечают критериям «событийности», охотнее воспринимаются и выше ценятся. Это прежде всего сообщения о разрушениях, трагедиях и несчастьях. «Труп оживляет кадр», – учат циники-папарацци, хорошо знающие требования рынка.

В потоке эмоционально негативных событий преимущество получают те, которые связаны с человеческими конфликтами (или открыты для соответствующего домысла при малейшей неопределенности). Наконец, среди последних приоритетны конфликты с участием представителей различных социальных групп – сословных (классовых), этнических или конфессиональных; при обнаружении таких различий конфликтующим сторонам немедленно приписывается мотив групповой ненависти.

В 1996 году в России от прямого отравления некачественным спиртом погибло в сто раз (!) больше людей, чем на чеченской войне. Сравнив площадь газетных страниц, телевизионного времени и т. д., посвященных той и другой теме, мы получим наглядную демонстрацию того, насколько межэтнический конфликт «интереснее» человеческого несчастья, пусть более масштабного, но не имеющего признака вражеских происков.

Приоритетное внимание и запоминание эмоционально негативной информации имеют глубокие эволюционные предпосылки, и они извечно проявлялись в работе художников и историков. Широко известно, что «отрицательные» персонажи живее прописываются и исполняются на сцене, чем персонажи «положительные» (сублимация подавленной агрессии?). Средневековые летописцы повествовали с ледящими душу деталями о войнах, жестокостях и трагедиях, а в годы, когда таковые не зафиксированы, они ставили прочерк или лаконично сообщали: «Миру бысть», «Ничему не бысть». И в учебниках истории львиную долю составляют сведения о войнах, катастрофах, героях и предателях, а мирная жизнь остается в тени.

Люди старшего поколения помнят работу советских СМИ «застойного» и «дозастойного» периодов. Административно-цензурный контроль обеспечивал почти полное отсутствие негатива в пределах соцлагеря и особенно СССР. Игнорировались даже стихийные бедствия: о страшном землетрясении 1948 года в Ашхабаде вообще не сообщалось, а о землетрясении 1965 года в Ташкенте было сказано, что погибли четыре человека. Под пластом бравурных рапортов в сетях межличностного общения формировалась весьма специфическая *культура нытья* – люди без устали жаловались друг другу на жизнь, и очень часто поводом для очередного «плача Ярославны» становился невинный вопрос: «Как дела?»

С открытием шлюзов «гласности» на страницы и экраны хлынул поток сообщений о пороках и бедах, и в этом не следует усматривать только политический умысел. Журналисты и массовая аудитория, истосковавшиеся по «правде», с мазохистическим упоением смаковали сообщения о том, как все безысходно в прошлом, настоящем и будущем. В каналы массовой информации прорвались сведения и интерпретации, которые «до гласности» составляли содержание слухов и доверительных бесед, – и это доставляло удовольствие.

В 1990-е годы российские СМИ стали работать по принципам, приближенным к рыночным (правда, при дефиците правового мышления – но это отдельная тема). С тех пор эмоционально позитивные сообщения, если они не представляют заказ сверху, третируются как «реклама» и с большим трудом пробиваются в СМИ без оплаты.

Таким образом, обилие более или менее искусственно сконструированного насилия в СМИ – феномен в некотором смысле естественный и самовоспроизводящийся. Как же это влияет на процессы «по нашу сторону» газетных полос, радиоприемников, кино- и телеэкранов и мониторов?

Антропологические константы

Публикуя выкладки и расчеты, доказывающие, что большинство экранных персонажей имеют отношение к войне или криминалу и значительная доля экранного времени занята сценами насилия, авторы обычно тем самым доказывают разрушительное влияние СМИ. Между тем причинная зависимость между виртуальным и «внеэкранным» насилием далеко не столь однозначна.

Действительно, имеется более чем достаточно свидетельств того, как жестокие сцены провоцируют детей или психопатических личностей на антисоциальные поступки (Хаэр 2007). Но чтобы не торопиться с прямолинейными выводами, воспользуемся следующей аналогией.

Любому известны многочисленные примеры того, как врачи что-либо недоглядели, поставили неверный диагноз, провели неудачную процедуру – и тем нанесли ущерб здоровью пациента. Или как неблагоприятно сказались на здоровье отравление выхлопными газами, неумеренное или неадекватное питание, гиподинамия и прочие пороки современной цивилизации. Напрашивается вывод: медицина и «прогресс» – виновники наших бед. Оценивая же развитие ситуации системно, мы убеждаемся, что совокупность этих «вредоносных» факторов увеличила среднюю продолжительность жизни людей в 3–4 раза всего за два столетия: по данным демографов, еще в начале XIX века она не превышала двадцати лет (Cohen 1989; Капица 1999).

Сходная ситуация складывается и со СМИ. Случаи их провоцирующего влияния бесспорны, однако в системном соотношении преобладают противоположные эффекты «спущенного курка». Разобраться с реальным соотношением факторов помогает концепция *антропологических констант*.

Авторы концепции полагают, что в больших человеческих популяциях сохраняется, например, более или менее постоянный уровень социального страха, «меняются только формы его проявления и его возбудители» (Гуггенбуль 2000: 76). Добавим: при обострении массовых страхов в катастрофических ситуациях константа удерживается за счет того, что вступает в силу сформулированный П. А. Сорокиным (1991) *закон поляризации*: на одном полюсе обостряются психические и нравственные патологии, проявляются апатия или паника, злоба и агрессия, а на другом – мобилизуется воля, актуализуются подвижничество, самоотверженность и «альтруистическое перевоплощение». (В [Назаретян 2008а] показано, какими далеко идущими последствиями обернулся этот механизм в Европе позднего Средневековья.)

К числу антропологических констант относят и социальное насилие, обладающее «неизъяснимой притягательностью как для взрослых, так и для детей» (Зеленский 2000: 198)². Сопоставим это

---

² Скорее всего, речь должна идти именно о насилии, а не об агрессии, как полагает Буровский вслед за Б. В. Марковым (1997): выше отмечено, что с уплотнением населения уровнем агрессивности, вероятно, возрастал.

с общим представлением о функциональных потребностях и эмоциональном балансе, а также с данными нейропсихологии.

В лимбической системе имеются группы нейронов, электро-стимуляция которых рождает переживания конкретных эмоций – в том числе страха и ярости (Vaginaga 1992). Известно также, что длительное отсутствие возбуждения снижает порог возбудимости нейрона (Лоренц 1994). Поведенчески это проявляется бессознательным поиском предметных поводов для соответствующих переживаний – опасностей и конфликтов. Интенсификация поискового поведения с трендом в сторону «бескорыстных рисков» наблюдается не только у людей, но и – экспериментально – у высших животных (Там же; Ротенберг, Аршавский 1984).

Грубо говоря, живой организм обязан переживать все эмоции, потенциальная возможность которых заложена в его нервной системе. Дикая природа обеспечивает баланс переживаний естественным образом; в искусственных же условиях, в которых изначально живет человек, дефицит тех или иных «негативных» эмоций побуждает к внешне бессмысленным действиям, нацеленным на их актуализацию.

Иррациональное бегство от благополучия обозначено в синергетике обобщающей формулой – *провоцирование неустойчивостей*, которая выражает это парадоксальное свойство высокоорганизованных систем. Система, естественно ориентированная на сохранение устойчивого неравновесия со средой, при достижении сверхоптимальной устойчивости стремится к уклонению от нее, произвольно (без внешней необходимости) создавая рискованные ситуации с угрозой для ее собственного существования. В эволюции жизни подобное свойство четко обозначается на той стадии, где можно экспериментально зафиксировать появление предметного образа (см. подробнее: Назаретян 2008а).

По всей видимости, функциональная необходимость острых эмоциональных переживаний обуславливает «зловещее очарование» насилия и страха. Отсюда мы можем уточнить один из ключевых тезисов. Говоря об исторически снижающемся уровне социального насилия, мы имеем в виду только то, что оно *последовательно эволюционировало* (сублимировалось; «возгонялось»; «облагораживалось») *от первичных, т. е. примитивных и грубых, форм к формам культурно трансформированным и символически опосредованным*. И, как мы видели, вместе с формами насилия эволюционируют семантические ряды и денотаты всех сопутствующих понятий.

Чтобы лучше понять, какие дополнительные возможности в этом плане представляют современные СМИ, обратимся к еще одному социально-психологическому наблюдению.

Рекреационные зоны

Это наблюдение почерпнуто из исторической, мемуарной литературы, рассказов коллег и личного опыта. Оно состоит в том, что, как правило, посреди бушующей войны более или менее стихийно образуются (самоорганизуются) специфические территории, на которых царит мир и представители враждующих сторон могут встречаться без риска взаимной агрессии. Я называю такие территории, сохраняющиеся, как видно, благодаря окружающему разгулу насилия, *зонами рекреации*.

В разгар мировых войн в Европе сохранялись нейтральные государства, где вооруженные сотрудники военных представительств не стреляли друг в друга и даже военная агентура только исподволь и очень осторожно нарушала местные законы. Нечто отдаленно похожее наблюдалось в Афганистане (например, район Спензар в Кабуле в конце 1980-х).

В 1970–1980-е годы в Центральной Америке рядом с охваченными гражданскими войнами Сальвадором, Никарагуа и нестабильной Панамой мирно процветала удивительная страна Коста-Рика с развитыми институтами демократии. Страна, не имеющая армии, довольствующаяся сравнительно небольшим полицейским контингентом, где к тому же закон позволяет гражданам хранить огнестрельное оружие. Отдельные костариканцы, «пресытившись» размеренной жизнью, периодически пересекали границу, воевали на той или другой стороне, а вернувшись домой, жили по-прежнему мирно и законопослушно. В свою очередь партизаны из соседних стран заходили на территорию Коста-Рики, имея гарантированную передышку.

Очень наглядное доказательство незыблемости неписаного закона рекреационной зоны я получил в апреле 1989 года, попытавшись «эксперимента ради» спровоцировать конфликтный эпизод.

В тот момент у власти в Никарагуа находились сандинисты (левые революционеры), прежде много лет ведущие войну против правого режима А. Сомосы; теперь уже многие из сомосовских солдат перешли к партизанской войне против Сандинистского правительства. И вот, проезжая в автомобиле неподалеку от границы Никарагуа с тремя друзьями – местными коммунистами, успевшими ранее повоевать на

стороне Сандинистского фронта, я заметил группу сомосовских боевиков из 15 человек, по виду мирных крестьян. Мы вышли из машины метрах в пятидесяти от них, любуясь пустынной горной местностью.

Вдруг меня охватил какой-то мальчишеский азарт. Я выдвинулся чуть вперед и, обращаясь к своим спутникам и будто бы не догадываясь, кто перед нами, начал «выступать» достаточно громко, чтобы слышалось далеко вокруг. Нельзя допускать, чтобы контрреволюционное отребье безнаказанно шаталось по земле Коста-Рики, их всех нужно силой отсюда выдворить, давайте найдем сомосовцев и устроим им добрую бойню – в таком духе я куражился две-три минуты.

Разумеется, это была глупая бравада с расчетом на возможность быстро заскочить в машину и исчезнуть. Обернувшись к своим друзьям, я ожидал увидеть тревогу на их лицах, попытки меня урезонить и предупредить об опасности. Но они с ехидными ухмылками смотрели мимо меня на потенциальных противников, явно уверенные в своей неуязвимости. И правда, никарагуанцы, недобро на нас поглядывая, стали медленно удаляться – от греха подальше. Эти профессиональные бойцы, находясь в нескольких километрах от своей границы, за которой шла жестокая война, и имея почти четырехкратное превосходство в численности, сочли за благо уклониться от конфликта даже при столь наглой провокации. Рекреационная зона – дело святое...

Образование и поддержание рекреационных зон – хрестоматийный синергетический эффект – «порядок из хаоса» (Пригожин, Стенгерс 1986): в хаотическом океане насилия выкристаллизовываются островки мирного порядка, которые используют энергию окружающего хаоса для процессов самоорганизации. Для нашей темы этот эффект очень важен, так как помогает понять взаимоотношения «закранныго» и «предэкранного» миров.

Вооруженный конфликт, в котором погибло несколько десятков человек, быстро становится предметом пристального внимания и переживания миллионов. Побитый родителями мальчик, задушенная маньяком девушка, уличная драка – все подобные события, многократно и многоканально растиражированные, накладываются на военные и криминальные сериалы. В соответствии с «информационным законом Грешема» назойливая жестокость эфира переживается как эмпирически наблюдаемая реальность и способствует удовлетворению функциональной потребности в «отрицательных» эмоциях. Накапливающееся утомление жестокостью рождает желание скрыться от него в рекреационной зоне реальной жизни, посреди виртуально бушующей войны. Таким образом, *экраны и мо-*

иторы как бы абсорбируют значительную долю насилия из «посторонних» человеческих отношений, смягчая формы проявления социальных противоречий – от семейных до политических.

Все сказанное не следует рассматривать как призыв к самоуспокоенности и попустительству – повторю, что эффекты экранного насилия амбивалентны. Но умеренный общественный контроль должен быть ориентирован не на элиминацию, а на оптимизацию объема и форм виртуального представления жестокости. Кстати, о том, что показатели насилия «по ту» и «по эту» сторону экранов находятся, по большому счету, не в прямой, а в обратной зависимости, можно косвенно судить и по обстановке в регионах с традиционно-религиозным укладом. Стерильность СМИ строго контролируется, секс запрещен, из жестоких сцен – только казни преступников в прямом эфире. И, как в старые добрые времена, на улицах зеваки созерцают публичные экзекуции, землевладельцы воспитывают плетью батраков, мужа – жен, родители и учителя – детей. А этнические и конфессиональные распри выливаются в кровавые трагедии. Такие примеры не могут служить прямым доказательством, но они весьма поучительны.

Гораздо более важным аргументом я считаю то, что обратная связь между виртуальным и физическим насилием прослеживается и в историческом развитии.

Эволюция... и немного фантастики

Независимость динамического моделирования от стимульного поля возрастала неуклонно за сотни миллионов лет биологической эволюции, и с ней рос удельный вес «субъективных» (отражательных) процессов в системе причинно-следственных зависимостей. С развитием искусственного мира культуры эта тенденция последовательно ускорялась, и современные СМИ являются ее органическим продолжением.

Одной из функций игры у высших животных является сброс агрессии и регуляция внутрипопуляционных отношений (Лоренц 1984). Известно также, что все человеческие культуры испокон веку использовали игровые и компенсаторные формы деятельности для сублимации агрессии. Этой цели служили искусство, спорт и прочие ритуалы, подчас потрясающе жестокие. Идентификация и сопереживание включали механизм снятия психического напряжения, который Аристотель назвал *катарсисом*. Однако опыт показывает, что со временем игровые эмоции приедались, яркость переживаний снижалась – и усиливалась бессознательная тяга к страстям «не понарошку».

Новые информационные технологии усовершенствовали и чрезвычайно расширили древнейший механизм культуры и тем самым способствовали очередному скачку «виртуализации» насилия. Как же можно представить себе дальнейший ход событий?

Устранение смертоносного насилия из социальной действительности предполагает прежде всего кардинальную перестройку политического мировоззрения: это возможно в том случае, если разум сумеет перерасти инфантильные религиозно-идеологические установки, отказаться от макрогрупповых идентификаций (они – мы) и выстроить мировое сообщество по «сетевому» принципу (Назаретян 2009). Такая перспектива может быть, в частности, сопряжена с эволюционными превращениями самого носителя разума, которые будут обусловлены наращиванием, с одной стороны, искусственных элементов в человеческом организме, а с другой – субъектных качеств в искусственных информационных системах, образованием симбиозного человеко-машинного мышления и т. д.

Но при любом раскладе ведущим субъектом цивилизации в ближайшее время остается человек в его качественной определенности. И, коль скоро мы признаем насилие антропологической константой, совершенствование механизмов его дальнейшей «виртуализации» составляет неотъемлемый компонент в сценарии выживания.

Можно представить себе, например, программы полисенсорного погружения в виртуальную реальность активной фазы войны, куда любой способен произвольно включиться, но отключиться – только по завершении более или менее масштабного сюжета. Развитие сюжета может в значительной мере определяться личными качествами пользователя, его смелостью, волей, изобретательностью; не исключено даже влияние того или иного исхода компьютерных сражений на политические процессы. При этом каждый участник достоверно переживает весь комплекс сопутствующих эмоций: ярость, страх, боль и жажду мести, печаль потерь, горечь поражений, отчаяние, радость самоотдачи и самопожертвования и – изредка – восторг победы. Выбравшись, наконец, из виртуального кошмара, эмоционально утомленный и умиротворенный, он от души наслаждается физическим и психическим комфортом «рекреационной зоны»...

Не скажу, чтобы меня самого вдохновляла такая футурологическая фантазия. Скорее мои чувства сродни тем, какие по описаниям этнографов испытывает дикарь, впервые попавший в мегаполис. Но перспектива дальнейшего дрейфа человеческого существования в сторону денатурализации и виртуальной реальности продолжает

сквозную эволюционную тенденцию «удаления от естества», и я не нахожу более правдоподобного сценария.

Литература

- Буровский, А. М.**
2003. *Крах Империи*. М.: АСТ.
2008. Бытовой фон насилия. Литературные размышления историка. *Историческая психология и социология истории* 1: 33–49.
- Вересаев, В. В.** 1988. Лизар. В: Вересаев, В. В., *Повести и рассказы* (с. 269–275). М.: Правда.
- Ганнушкин, П. Б.** 1964. Сладострастие, жестокость и религия. В: Ганнушкин, П. Б., *Избранные труды* (с. 80–94). М.: Медицина.
- Гуггенбюль, А.** 2000. *Зловещее очарование насилия*. СПб.: Академ. проект.
- Демоз, Л.** 2000. *Психоистория*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Докинз, Р.** 2008. *Бог как иллюзия*. М.: КоЛибри.
- Ефремов, К.** 2004. Путешествие по кризисам. *Лицейское и гимназическое образование* 3: 5–6, 68–70.
- Зеленский, В.** 2000. Невыносимая легкость насилия (глубинно-психологический очерк). В: Гуггенбюль, А., *Зловещее очарование насилия* (с. 196–218). СПб.: Академ. проект.
- Каневский, Л.** 1998. *Каннибализм*. М.: Крон-Пресс.
- Капица, С. П.** 1999. *Общая теория роста человеческого населения. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле?* М.: Наука.
- Контамин, Ф.** 2001. *Война в Средние века*. СПб.: Ювента.
- Корнев, В. И.** 1987. *Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука.
- Лоренц, К.** 1994. *Агрессия (так называемое «зло»)*. М.: Прогресс-Универс.
- Марков, Б. В.** 1997. *Философская антропология. Очерки истории и теории*. СПб.: СПбГУ.
- Мэй, Р.** 2001. *Сила и невинность: в поисках истоков насилия*. М.: Смысл.
- Назаретян, А. П.**
2004. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование*. М.: Мир.
2008а. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по культурно-исторической психологии*. М.: УРСС.

2008б. Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе. *Историческая психология и социология истории* 1: 8–32.

2009. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд. *Вопросы философии* 5: 3–19.

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. 2002. М.: Весь мир.

Некрасов, Н. А. 1953. *Избранные стихотворения и поэмы*. М.: Гос. изд. худ. лит.-ры.

Осипов-Куперман, И. М. 1961. *Три победы*. М.: Сов. писатель.

Пригожин, И., Стенгерс, И. 1986. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс.

Ротенберг, В. С., Аршавский, В. В. 1984. *Поисковая активность и адаптация*. М.: Наука.

Сорокин, П. А. 1991. *Долгий путь*. Автобиографический роман. Сыктывкар: Шыпас.

Справочник офицера вооруженных сил Российской Федерации. 2008. М.: Воениздат.

Толстой, Л. Н. 1993. *Воскресение*. М.: Терра – Terra.

Флиер, А. Я.

2006. *Культура как репрессия*. М.: Диаграмма.

2008. Культура лишения жизни. *Историческая психология и социология истории* 2: 146–162.

Хаэр, Р. Д. 2007. *Лишенные совести. Пугающий мир психопатов*. М.: Вильямс.

Varinaga, M. 1992. How Scary Things Get that Way. *Science* 258: 887–888.

Boorstin, D. 1961. *The Image or What Happened to the American Dream*. London: Weidenfeld & Nicholson.

Clastres, P. 1967. El arco y el cesto. *Alcor* 44–45: 7–15, 25–27. Mayo – agosto, Asuncion.

Cohen, M. N. 1989. *Health and the Rise of Civilization*. New Haven; London: Yale Univ. Press.

Davis, J. 1969. Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* (p. 85–108). N. Y: Free press.

Joy, B. 2000. Why the Future doesn't Need Us? *Wired*, April: 238–262.

Nazaretyan, A. P.

2003. Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, December 33(4): 405–425.

2005. Fear of the Dead as a Factor in Social Self-organization. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 35(2): 155–169.